

Цзянь Юэ замер в изумлении, услышав эти слова.

Цзян Сяньюй тоже опешил, но тут же нахмурился и, обращаясь к Сяо Пану, строго сказал:

— Не болтай глупостей.

У паренька на лице появилось обиженное выражение. Цзян Сяньюй добавил:

— Иди пока наружу.

Хотя здесь и царил тишина, снаружи всё же кто-то должен был наблюдать за происходящим. Сяо Пань порой бывал чересчур шумным и непоседливым, но в решающие моменты всегда оказывался на удивление послушным. Он бросил на Цзянь Юэ быстрый взгляд и всё же вышел.

За окном бушевала метель.

Цзянь Юэ чувствовал боль во всём теле. Его мысли были в беспорядке, в голове плавало, да и жар разгорячил так, что он захотел выйти и лечь прямо в снег. Едва поднявшись, он пошатнулся — ноги его не держали.

В следующее мгновение его кто-то подхватил.

Цзян Сяньюй мгновенно подскочил к нему и спросил с нахмуренными бровями:

— Зачем ты встал?

Голос Цзянь Юэ прозвучал с трудом:

— Мне... жарко... и почему-то очень голодно...

Цзян Сяньюй замер в недоумении.

Цзянь Юэ поднял глаза — и наткнулся на губы Цзян Сяньюя. Голод мучил его не просто так: ему хотелось крови, плоти, настоящей, живой пищи. Губы стоявшего перед ним человека были алыми, мягкими и соблазнительно сочными. И, прежде чем Цзян Сяньюй успел опомниться, его губы оказались плотно прижаты к чужим — его поцеловали.

Тот, кто бросился в его объятия, обнял его так крепко, словно боялся, что он исчезнет.

Поцелуй Цзянь Юэ был властным, почти насильственным. Цзян Сяньюй ощутил, как его

окружает знакомый, но в то же время изысканно свежий аромат бамбука. Их губы слились, дыхания переплелись.

Сначала Цзян Сяньюй был растерян, но как только Цзянь Юэ, задыхаясь, отпустил его и, не в силах совладать с болью внутри, начал кусать собственные губы — до крови, — Цзян Сяньюй решительно поднял руку. Его длинные пальцы легко разжали зубы Цзянь Юэ, не дав тому причинить себе вред, и в следующий миг его собственные губы накрыли рот Цзянь Юэ — с налётом принуждения, но и с глубокой заботой.

Цзянь Юэ изумился, но Цзян Сяньюй не дал ему опомниться. Их дыхания сплелись в единый поток, а во рту Цзянь Юэ уже чувствовался металлический привкус крови.

Именно этот запах крови стал для него наркотиком.

Они словно слились воедино.

Когда поцелуй наконец прервался, взгляд Цзянь Юэ стал расфокусированным. Он провёл пальцами по лицу Цзян Сяньюя и прошептал:

— Сяо Юй... Ты такой горячий...

— Да, — кратко ответил тот.

— Горячее меня... Ты тоже заразился?

Голос Цзян Сяньюя прозвучал хрипло:

— Вовсе не из-за этого.

Мозг Цзянь Юэ уже едва соображал. Он чувствовал, что быть рядом с Цзян Сяньюем — невероятно приятно. Эта близость утоляла боль и гасила жгучее желание крови. Голод не утихал, и Цзянь Юэ, почти не думая, инстинктивно потянулся к одежде Цзян Сяньюя, чтобы сорвать её.

Цзян Сяньюй остановил его. Его глаза потемнели.

— Ты пожалеешь об этом, — тихо предупредил он.

Цзянь Юэ замер, но затем медленно покачал головой:

— Нет. Не пожалею.

— Ты сейчас не в себе, — настаивал Цзян Сяньюй. — Когда придёшь в себя, всё будет иначе.

Обычно в такой момент человек стал бы спорить.

Но Цзянь Юэ лишь прижался ближе. Его одежда растрепалась, а белоснежная кожа покраснела от жара. Услышав слова Цзян Сяньюя, он тихо улыбнулся, поднёс руку к его лицу и нежно провёл пальцами по шее, по груди — по каждой черте, будто соблазняя. Его глаза сияли слезами, делая его особенно хрупким и уязвимым.

— Сяо Юй... — прошептал он, и его голос, как шёлк, коснулся кожи Цзян Сяньюя. — Ты ведь... не способен?

Тело Цзян Сяньюя мгновенно напряглось.

Цзянь Юэ, почувствовав, что теперь можно идти дальше, попытался отстраниться:

— Тогда я... пойду... Мне нужно... найти кого-нибудь ещё... покусать...

Он был по-настоящему голоден.

Слова его запинались, но это не мешало ему твёрдо искать пищу.

И в следующий миг весь его мир перевернулся.

Перед глазами всё закружилось — он даже пикнуть не успел, как оказался брошенным на диван. Над ним навис Цзян Сяньюй, и его присутствие мгновенно заполнило всё пространство. Цзянь Юэ открыл глаза — и увидел взгляд Цзян Сяньюя: тёмный, пронзительный, полный подавляющей силы.

Цзян Сяньюй никогда прежде не проявлял такой агрессии. Его холодное, отточенное лицо медленно исказилось лёгкой, хищной улыбкой — как у зверя, наблюдающего за добычей, которой не сбежать.

— Попробуй, — тихо произнёс он.

Цзянь Юэ: «...»

Ну так отпусти меня тогда! Ты же держишь меня — как я могу «попробовать»?!

Он попытался вырваться, но сил не было совсем. Даже не понадобилось раздевать его — пламя, вспыхнувшее вокруг, в мгновение ока превратило одежду в пепел. Цзян Сяньюй стал доминирующим, неотразимым, и плотно прижал его к себе, не оставляя ни единого шанса на побег.

Когда Цзянь Юэ попытался пошевелиться, его тут же подняли на руки.

Голос Цзян Сяньюя прозвучал у самого уха:

— Тебе плохо?

Цзянь Юэ кивнул.

Цзян Сяньюю не составляло труда держать его — как будто тот ничего не весил. Чёрные узоры заклинаний, начинавшиеся у основания шеи, медленно расползались по всему его телу. В суматохе Цзянь Юэ порвал ему одежду, и теперь видел обнажённую грудь Цзян Сяньюя: мощную, покрытую чёткими линиями заклинаний и старыми, не до конца зажившими шрамами.

Даже в своём полубреду Цзянь Юэ невольно втянул воздух.

— Страшно? — спросил Цзян Сяньюй.

Цзянь Юэ покачал головой и, наоборот, крепче обнял его. Потом наклонился и тихо, почти шепотом, произнёс прямо в ухо:

— Я просто думаю... От одного укуса мне так плохо. А у тебя всё тело в шрамах... тебе, наверное, очень больно.

Цзян Сяньюй замолчал.

Его уродство. Его шрамы. Всё, что он так тщательно скрывал от мира, теперь было открыто перед этим человеком. Раньше, когда он появлялся на глаза людям, они шептались за спиной:

«Чудовище!»

«Он ужасен!»

«Держитесь от него подальше!»

Но спустя столько лет кто-то обнял его за плечи, увидел все эти раны — и не закричал, не убежал. Просто сказал: «Тебе, наверное, очень больно».

И лёд, накопленный за долгие годы, вдруг треснул.

Цзян Сяньюй поднял глаза на Цзянь Юэ и, глядя прямо ему в лицо, хрипло проговорил:

— Никогда не рассказывай, что не стоит заботиться о чужих страданиях. Это привязывает. И потом уже не отвяжешься.

Цзянь Юэ удивлённо посмотрел на него.

Но Цзян Сяньюй лишь крепче прижал его к себе, словно пропасть между ними наконец исчезла. Удивление на лице Цзянь Юэ мелькнуло лишь на миг, и он тут же спросил:

— Это ты — тот «плохой человек»?

Мужчина перед ним не ответил.

Он просто смотрел. А затем Цзянь Юэ улыбнулся, не отстранился, не испугался — напротив, обнял его ещё крепче и, приблизив губы к его уху, мягко дунул:

— Тогда я уже не могу ждать.

Эти слова стали спусковым крючком.

Единственная нить разума в сознании Цзян Сяньюя мгновенно лопнула.

Цзянь Юэ попытался сказать ещё что-то — но вдруг ощутил, как мир вокруг мелькает, словно он летит по воздуху. Никто не успел заметить, с какой скоростью двигался Цзян Сяньюй. И в следующее мгновение Цзянь Юэ уже лежал на кровати. Несмотря на ледяной холод за окном, тепло тела Цзян Сяньюя казалось бесконечным — как будто два человека, покрытые снегом и льдом, вдруг прижались друг к другу и перестали мёрзнуть.

Цзянь Юэ, заражённый вирусом, сначала кричал от жара и голода. Когда Цзян Сяньюй наклонился к нему, тот без колебаний впился зубами в его плечо.

На крепком теле мужчины остались лишь лёгкие следы зубов — даже крови не было. Но именно эта боль, кажется, подстегнула Цзян Сяньюя.

Сознание Цзянь Юэ на миг прояснилось от боли.

Раньше он не мог оставить на плече ни царапины — теперь же ногти впились в кожу так, что появились красные полосы. Сначала он кусал, лишь чтобы утолить голод, но потом это стало мезью, разрядкой, способом выплеснуть боль.

И хотя кусал он сам, именно его голос в итоге превратился в тихие, прерывистые всхлипы.

Прошло неизвестно сколько времени.

Когда Цзянь Юэ уже почти потерял сознание, он услышал голос:

— Голоден ещё? Хочешь ещё?

Рука Цзян Сяньюя нежно вытерла слезу с его щеки. Голос был хриплым, уставшим.

А под ним лежал человек, наевшийся до отвала.

Цзянь Юэ чувствовал, что вся тяга к пище исчезла. Даже живот его слегка надулся от сытости. Он еле выдавил:

— Нет... больше не надо...

В последний момент, прежде чем провалиться в сон, он встретился взглядом с Цзян Сяньюем. В его глазах, тёмных и глубоких, отражался только он один.

Пока он спал, жгучая боль в теле начала постепенно стихать. Он еле сдерживал слёзы — ведь никогда не думал, что заражение зомби-вирусом может быть таким мучительным.

Эта боль унесла его мысли далеко... в прошлое.

Он услышал плач.

Перед ним возникла ярко освещённая лаборатория. В белом халате мужчина, дрожа от возбуждения, кричал:

— Получилось! На самом деле получилось! Этот мальчик — единственный, у кого не возникло отторжения после мутации с Тэншэ! Он выжил! Это наш прорыв! Быстрее — подавайте ещё питательную среду! Пока есть хоть какие-то признаки жизни, продолжайте эксперимент!

Из□□а Цзянь Юэ он увидел мальчика в стеклянной капсуле. Тот сидел у стекла в тонкой рубашке, с чёрными волосами и бледным, безжизненным лицом. По всему телу шли трубки с питательными растворами — это выглядело мучительно.

Это был Цзян Сяньюй.

Цзянь Юэ узнал его сразу.

Мальчик был заперт, обездолен, истязаем. Цзянь Юэ металась в беспомощной ярости — каждый лишний день в этой клетке давался Цзян Сяньюю кровью.

Но вдруг, когда учёные ушли на совещание, из-за угла выбежал другой мальчик — полный, быстрый, решительно направлявшийся к капсуле. Цзянь Юэ не узнал его, но тот каким-то чудом добрался до пульта управления и открыл стеклянный отсек.

Малыш схватил Цзян Сяньюя за руку и, дрожа и плача, прошептал:

— Бежим! Бежим скорее!

Цзян Сяньюй с изумлением смотрел на него.

Толстенький мальчик пытался взвалить его на спину, тяжело дыша от усилий.

— Уходи, — сказал ему Цзян Сяньюй. — Ты не спасёшь меня.

— Спасу! Обязательно! — рыдал тот. — Пойдём вместе! Я не хочу здесь оставаться!

Но они промедлили всего на миг — и в коридоре уже послышались шаги. Учёные бросились обратно, увидели сцену и закричали:

— Что вы делаете?!

Мальчика схватили, подняли в воздух. Он безутешно рыдал:

— Хочу домой! Пустите меня! Вы все — злодеи!

Один из учёных фыркнул:

— Да ты не знаешь, как тебе повезло! Когда наступит конец света, вы станете первыми, кто выживет и станет чем-то большим!

Но мальчик продолжал кричать:

— Мне больно! Отпустите!

Рядом в других капсулах еле шевелились другие дети. А этого, упавшего на пол, готовы были снова схватить — но вдруг раздался спокойный голос:

— Отпустите его.

Все обернулись.

В стеклянной капсуле сидел Цзян Сяньюй. Ему было всего несколько лет, но взгляд его был невозмутим.

— Отпустите его, — повторил он. — Я буду сотрудничать.

Мальчик всё ещё плакал.

— Ван Юэ, — сказал Цзян Сяньюй, его хрупкое тело дрожало, но глаза были твёрдыми, как сталь. — Я же говорил: ты не сможешь меня увести.

Ван Юэ замер в слезах.

— Ты не унесёшь меня, — продолжал Цзян Сяньюй. — Уходи. И никогда не возвращайся.

В конце сна Ван Юэ видел, как Цзян Сяньюй снова подключают к трубкам. Он бился, кричал, пытался вырваться — но чужие руки держали его крепко. Он плакал, отчаянье сжимало горло — но никто не слушал. Когда его наконец вывели наружу, он не ощутил радости. Он лишь разрыдался навзрыд.

После этого его сразила жесточайшая лихорадка.

Она чуть не убила его. И в бреду единственным, что осталось в его памяти, были глаза Цзян Сяньюй, говорящего: «Уходи отсюда».

Страх, словно тень, накрыл его. Его юное сознание не выдержало и стёрло всё.

«Нет... — думал он. — Не умирай... Пожалуйста... Пойдём вместе!»

Этот беззвучный крик растворился вместе с лихорадкой.

— Нет! — вырвалось у Цзянь Юэ.

Он резко сел, оглядываясь. Постепенно осознал: это был сон. Сон о прошлом, которое вернулось к нему после встречи с Цзян Сяньюем.

Его тело покрывал холодный пот. Сердце колотилось слишком быстро. Но хуже всего было то, что он резко встал — и тут же ощутил острейшую боль в пояснице.

— А-а-а! — вскрикнул он, хватаясь за спину. — Как будто машиной проехалось!

И только тогда он заметил на теле сплошные отметины — следы поцелуев и укусов. Воспоминания о прошлой ночи медленно возвращались. Хотелось злиться на Цзян Сяньюя за неумеренность, но... вспомнив, как сам он цеплялся за него, требуя «покормить», Цзянь Юэ почувствовал, что его образ идеального юноши рухнул безвозвратно.

Именно в этот момент раздался стук в дверь.

Цзянь Юэ мгновенно напрягся:

— Кто?

Неужели Сяо Юй? Нет, только не сейчас! Как ему смотреть в глаза после всего этого?!

Но за дверью прозвучал голос:

— Это я, управляющий Ван. То есть... Сяо Пань.

Цзянь Юэ перевёл дух:

— Сяо Пань? Что случилось? Почему так рано?

— Уже почти вечер, управляющий Ван, — ответил тот с лёгкой неловкостью. — Вы долго спали.

Цзянь Юэ: «...»

Неужели он так проспал?

«Сплю — и сразу бью рекорды», — подумал он, но вслух сказал:

— Как это вечер? Ведь на улице ещё светло!

— Да, — ответил Сяо Пань. — Потому что погода резко сменилась. После ледникового холода сегодня в полдень началась аномальная жара. Старший уже вышел на разведку. Он сказал, чтобы вы, проснувшись, оставались здесь. Он скоро вернётся.

— Понял, — кивнул Цзянь Юэ, понимая серьёзность ситуации. Резкий переход от лютого холода к палящей жаре мог вызвать новые болезни и подкосить оставшихся в живых.

Он подошёл к окну. За стеклом всё было затянуто белой мглой, но мир вокруг по-прежнему был покрыт льдом.

«Система, система! — мысленно позвал он. — Я вчера, пока был без сознания, не наговорил лишнего?»

Система молчала, но тут же вывела новое уведомление:

> Обновление прогресса мира.

> Приближается финал апокалипсиса.

> Активируется последняя□□: «Битва за сыворотку» и «Защита мира».

> Внимание всем участникам: только гильдия, завершившая задание последней, получит финальную награду — «Обратное течение времени»!

Значит, сюжет подходит к концу.

Цзянь Юэ оцепенел — и тут система добавила:

> Объявляем количество выживших участников по всему миру: 41 человек.

По мере оглашения он понял: выбывает всё больше и больше. Даже могущественная Императорская гильдия потеряла людей. Хотя сильнейшие гильдии всё ещё сохраняли бóльшую часть состава.

— Времени остаётся всё меньше, — вздохнул Цзянь Юэ.

Но как только он взглянул вниз с вершины горы, его поразило до глубины души.

Вся долина была заполнена зомби — тысячи, миллионы. А с другой стороны, у моря, из волн поднимались чудовища: гигантские осьминоги, киты с человеческими лицами и руками, двуглавые морские твари... Это были те самые осадные зомби. Но как они оказались здесь?

Страшная догадка пронзила его.

В этот момент за спиной послышались шаги.

Он обернулся.

В комнату вошёл Цзянь Сяньюй. На нём был серый свитер, на плечах — растаявшие снежинки.

Он только что вернулся с улицы.

— Значит, ты всё понял, — сказал он, глядя на Цзянь Юэ.

Тот застыл:

— Ты...

Цзян Сяньбуй заметил его колебание и внутренне усмехнулся. Он ведь предупреждал: не стоит связываться в это. Но тот сам выбрал путь рядом с ним. Теперь поздно пугаться.

— Теперь бояться уже поздно, — холодно произнёс он. — Ты не вырвешься из моей ладони.

Цзянь Юэ спокойно ответил:

— Я и не собирался сбежать. Просто... мне срочно в туалет.

Цзян Сяньбуй: «...»

И тут Цзянь Юэ вдруг открыл свой информационный терминал.

Лицо Цзян Сяньбуйа исказилось зловещей усмешкой:

— Хочешь связаться с внешним миром? Надеешься, что кто-то тебя спасёт?

— Нет, — отмахнулся Цзянь Юэ. — Просто кредитор прислал сообщение: «Ты исчез — а долг как?» Я ему написал: «Выплачу, когда выберусь...»

Цзян Сяньбуй не мог терпеть даже мысли о его уходе. Он молниеносно перехватил панель терминала и перевёл пять миллионов на счёт кредитора — того самого, что остался от банкротства его отца.

— Подожди! — испугался Цзянь Юэ. — Не надо...

Цзян Сяньбуй холодно уставился на него, прищурившись:

— Я уже заплатил. Теперь тебе не нужно ни с кем связываться. Или... есть ещё кто-то, кого ты хочешь вызвать?

Цзянь Юэ в отчаянии стонал:

— Да нет! Ты просто переплатил! Уйма денег пропала! Быстро верни панель — я ему пересчитаю! Ты дал слишком много!!

Цзян Сяньюй: «...»

<http://bllate.org/book/16053/1434195>